

С. Г. ВОРКАЧЕВ
(Краснодар)

«ОТЩЕПЕНЕЦ» И «БЕЗРОДНЫЙ КОСМОПОЛИТ» КАК АНТОНИМЫ ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМЫ «НАРОД»

На материале русской лексикографии и текстов Национального корпуса русского языка исследуется антонимическая периферия идеологемы «народ». Описываются этимология, семантическая эволюция и речевое употребление таких лексических единиц, как «отщепенец», «безродный космополит» и «Иван не помнящий родства».

Ключевые слова: народ, лингвоидеологема, антонимическая периферия, отщепенец, безродный.

В число «официальных», словарных и языковых, антонимов лексемы *народ* по количественному признаку (объему обозначаемого множества) попадает *человек* ('индивид', 'личность'), противостоящий всем ее лексико-семантическим вариантам ('люди вообще', 'народ-этнос', 'народ-нация', 'простой народ' и пр.), а по социальному признаку – *элита* в любой ее ипостаси (власть, интеллигенция, духовенство и пр.), противостоящая только 'собственно народу' ('народным массам', 'трудовому народу', 'простым людям' и пр.). На периферии антонимического поля 'народ' находятся такие специфически русские понятия и соответствующие лексические единицы, как *отщепенец*, *безродный (космополит)* и *(Иван) не помнящий родства*.

ОТЩЕПЕНЕЦ. В. Пьецух включает это слово в число «забытых» вместе с честью, порядочностью, галошами, совестью и пр. [14, с. 499–521]. Это, однако, скорее фигура речи: лексема *отщепенец* и ныне вполне опознаваема – она просто стала малоупотребительной.

В русских толковых словарях *отщепенец* определяется как «1. Человек, отколовшийся от какого-либо общественного коллектива, отвергнутый обществом. 2. Устар. Человек, отступивший от прежних верований, убеждений; *отступник*» [5, т. 1, с. 1199; 17, т. 8, с. 1714–1715]; «Пренебр. Человек, утративший, порвавший связь со своей общественной средой» [8, с. 767]; «Отщепившийся по разномуслию от общества, паствы, церкви; *раскольник*, *отступник*, *еретик*» [4, т. 2, с. 769].

Тем самым, по данным лексикографии, синонимический ряд, в котором стоит слово *отщепенец*, можно пополнить лексемами *раскольник* и *еретик* и он примет следующий вид: *отверженный, пария, отверженец, изгой, изменник, отступник, предатель, Иуда, веролом, клятвопреступник, дезертир, перебежчик, переметчик, ренегат, вероотступник, доносчик; беглец, дезертир, раскольник, еретик*. Естественно, этот ряд пополняется данными речевого употребления слова *отщепенец*, зафиксированного в художественных и публицистических текстах. Если сюда добавить еще гендерные варианты (*отщепенка, отступница, ренегатка, раскольница, еретичка* и пр.), а также производные абстрактные существительные (*отщепенство, отступничество, ренегатство, раскол, ересь* и пр.), то семиотическая плотность соответствующего концепта, вербализуемого этими лексическими единицами, свидетельствующая о его релевантности, важности в глазах лингвокультурного социума, окажется весьма высокой.

В синонимическом ряду имен «отступничества» без особого труда выделяются ядерные единицы, передающие соответствующий концепт в наиболее «чистом виде», без каких-либо особых семантических обременений: *отщепенец, отступник, ренегат*. Все эти лексемы стилистически маркированы «книжностью», но *отщепенец* на фоне *отступника* и *ренегата* маркирован еще и идеологически: «отщепенец» принадлежит списку концептов-индикаторов эпохи вместе с «сознательностью» и «очковитирательством», «инициативой» и «самодеятельностью» [2; 6, с. 199–221].

Слово *отщепенец* заимствовано в XVI в. из литературного языка Юго-Западной Руси, где оно являлось суффиксальным производным от *отщепение* – 'измена' (исходное слово *щепа*) [21, с. 220]. В материалах «Национального корпуса русского языка» появление этой лексемы зафиксировано в текстах XIX в.

Если лексема *рenegат*, пришедшая в русский через французский (*renégat*) и итальянский (*rinnegato*) языки и образованная от глагола *rinnegare* 'отказываться', 'отрекаться' [20, т. 3, с. 469–470], и лексема *отступник*, по своей внутренней форме представляющая собой семантическую кальку первой, никак образно не окрашены, то семантика слова *отщепенец* построена на развертывании метафоры силового отделения малой части (щепы/щепки – *тонкой пластинки, отколотой по слою дерева* [11, с. 835]) от общего массива – метафоры яркой и живой, которая позволяет «перелицевать» пословицу *Лес рубят – щепки летят*: *Правильно, лес рубят – отщепенцы летят* (Ю. Даниэль).

Понятие отступничества/рenegатства возникло, очевидно, сначала в религиозном дискурсе, нетерпимом к любому отступлению от «правильной» (ортодоксальной) веры. Именно в этом значении с пометой «устар.» фиксируется в толковых словарях и слово *отщепенец* [5, т. 1, с. 1199; 17, т. 8, с. 1714–1715]. Однако только русская история многовекового самодержавия («абсолютизма»), не совсем «плавно» перетекшего в тоталитаризм, способствовала экспансии этого понятия практически во все сферы общественной жизни. Нетерпимость к отклонениям от единственно правильной веры (*православия*), от единомыслия, столько лет вводимого на Руси, от «линии партии», воплощенная в понятии «отщепенство», как представляется, органически связана с такими установленными [7, с. 51–59; 13, с. 55–68] чертами русского национального характера, как потребность в вере и коллективизм (он же соборность и общинность).

Образно говоря, отщепенцы – это обитатели пустыни, которая находится за пределами человеческого общества: *За областью социума находится великая пустыня, а кончается все Стеной Мира. Возле нее ютятся отщепенцы вроде нас* (В. Пелевин); *И это не потому, что я отщепенец мира сего, а потому, что каждый из людей есть вселенский отщепенец* (А. Ким).

Наиболее значимой и объемной «своей средой» для человека вообще, а для русского человека в особенности предстает среда этническая и национальная – «любимое сообщество» [15, с. 3]: родина и народ, и, очевидно, поэтому считается, что «... Всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан – есть преступник» (И. Гончаров), независимо от того, отрекается он от Московского царства и его обитателей или от социалистической Родины и советского народа – «от всего родного». *Отщепенец* – имя «двузалоговое»: им становится как тот, кого «отщепили» от своей среды, – изгой, так и тот, кто от нее «отщепился» сам по своей воле – отшельник, т.е., как и эмиграция, отщепенство бывает вынужденным или добровольным.

Отщепенец – слово уничижительно-обличительное, «слово-дубина», и главной его мишенью во все времена русской истории были интеллигенты – *инакомыслящие* и, тем самым, отщепенцы по призыванию: *Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутины и застоя, искатель новой правды* (М. Туган-Барановский); *Вот и вы, интеллигенты, отщепенцы, тоже от страха в политику бросаетесь* (М. Горький).

Для русской интеллигенции граница между отщепенством идейным и социальным, добровольным и вынужденным всегда была крайне зыбкой: отщепенец идейный и «внутренний» в одночасье превращался в отщепенца социального и «внешнего», достаточно вспомнить «философский пароход» 1922 г., судьбу А. И. Солженицына, А. А. Зиновьева и других «диссидентов и инакомыслящих».

Количественное ничтожество отщепенцев подчеркивается соседством лексем *кучка* и *группа*: *С большим подъемом и полным единодушием (за исключением небольшой кучки правых отщепенцев) съезд принял по докладам Свердлова и Ленина резолюцию, полностью одобряющую политику и деятельность Советского правительства* (Л. Каганович); *Объявив «инакомыслящими» жалкую группу отщепенцев, платных агентов империалистических или сионистской разведок, организаторы антитисоветской кампании на Западе не желают замечать, что эти враги социализма нарушили те или иные уголовные законы и административные правила или прямо стали на путь предательства своих народов* (В. Зорин).

БЕЗРОДНЫЙ. Во всех русских толковых словарях фиксируются два лексико-семантических варианта этой лексемы: 1) не имеющий родных, родственников, одинокий; не знающий родственников;

утративший с ними связь; 2) неродовитый, происходящий от незнатных родителей; низкого происхождения с пометой «устар.» [5, т. 1, с. 81; 8, с. 68; 11, с. 33; 12, с. 42; 16, т. 1, с. 75; 17, т. 1, с. 361–362; 18, т. 1, с. 88; 19, т. 1, с. 116], и лишь в двух отмечен третий ЛСВ – «утративший или порвавший связь со своим народом, своей страной; лишенный патриотизма» [11, с. 33; 16, т. 1, с. 75]. В качестве речевого эквивалента прилагательного *безродный* функционирует также фразеологизм *без роду и племени*: *Послушай, Ибрагим, ты человек одинокой, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня* (А. Пушкин).

Прилагательное *безродный* – относительно низкочастотная лексическая единица (частота 1.68 ipm, ранг 26001 [22]) – резко взмывает ввысь в своем речевом употреблении в языке второй половины советского периода в сочетании с именем *космополит*: словосочетание *безродный космополит*, запущенное А. А. Ждановым в январе 1948 г. на совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС и подхваченное газетой «Правда» в передовице, отредактированной лично Сталиным, сразу же превратилось в идеологическое клеймо, инструмент («слово-дубину») расправы над «антипатриотической» интеллигенцией, преимущественно еврейской (*Советы вождя обсуждению не подлежали, и несколько критических материалов в адрес отдельных авторов предварили широкую кампанию против «безродных космополитов», распространившуюся на все слои интеллигенции, в подавляющей части – еврейской* (Вестн. США. 2003. 15 окт.)), – воистину в соответствии с пожеланиями поэта к штыку приравнялось перо.

Нужно сказать, что при всей своей одиозности словосочетание *безродный космополит* явилось весьма удачной и поэтому «убойной» риторической находкой в руках (вернее, в устах) советских пропагандистов того времени, поскольку в нем был представлен антипатриотизм (ренегатство) в квадрате: отрицание родины (космополитизм) и отрицание народа (безродность). «Борьба с безродным космополитизмом» хорошо вписывалась в «строительство» новой исторической общности – «советского народа», т.е. «идеологической нации».

(ИВАН) НЕ ПОМНЯЩИЙ РОДСТВА. Как родина семантически представляет собой метафорическое производное от (родного) дома, так и народ образован, очевидно, путем метафорического расширения (родной) семьи – переноса ее образа на все население своей страны. Добровольный разрыв семейных, «кровных» связей – отречение от «родного» и забвение своих близких – всегда и везде осуждается, как осуждается беспричинный разрыв связей этнических и национальных: *Для таких людей существует меткое народное понятие ‘выродок’, ‘вырожденец’, т. е. растерявший славу своих предков, предавший забвению память о них, не поддерживавший и не приумноживший традиций своего рода* (Жизнь национальностей. 2001. 23 нояб.).

Беглые каторжане, крепостные крестьяне, солдаты-дезертиры, прочие «беспашпортные» бродяги, попав в руки властей, тщательно скрывали свое прошлое. На допросах они называли себя Иванами, уверяли, что происхождения, родства своего не помнят. В полицейские протоколы так и вписывалось: «не помнящие родства» [1, с. 191]. Затем юридическая формула превратилась в прозвище *Иван Непомнящий* и развилась в поговорку *Иван родства не помнящий* применительно к тем, кто отрекается от своих привязанностей, дорогих когда-то людей и более того – своей родины и своего народа: *Иван непомнящий (родства и родины)* [3, т. 2, с. 177]; *НЕПОМНЯЩИЙ*, обычное прозвание бродяг, выдающих себя за непомнящих родства, т. е. родины, родителей, имени, звания [4, т. 2, с. 528]; *непомнящий родства* (иноск.) *безучастно относящийся к родине своей* [9, т. 1, с. 667]: *Не как фольклорная подробность, / Как вызов против естества, / Был в русской жизни / Страшный образ – / Иван, не помнящий родства* (В. Костров); *И так будет, покуда мы будем продолжать оставаться ‘Иванами, не помнящими родства’*. *Пока снова не станем народом и не вернем гордость* (Л. Десятых).

Проведенное исследование ассоциативного поля лингвоидеологемы ‘народ’, как представляется, позволяет прийти к следующим заключениям.

На периферии антонимического поля лексемы ‘народ’ находятся такие специфически русские понятия и соответствующие лексические единицы, как *отщепенец*, *безродный (космополит)* и *Иван не*

помнящий родства. Отщепенец – слово уничижительно-обличительное, главной мишенью которого во все времена русской истории были интеллигенты – *инакомыслящие* и, тем самым, отщепенцы по призванию. Относительно низкочастотная лексическая единица *безродный* резко взмывает ввысь в своем речевом употреблении в языке второй половины советского периода в сочетании с именем *космополит*: *безродный космополит* становится синонимом слов *ренегат* и *отщепенец* и при всей своей одиозности представляется весьма удачной риторической находкой в устах советских пропагандистов того времени, поскольку в нем представлен антипатриотизм (ренегатство) в квадрате: отрицание родины (космополитизм) и отрицание народа (безродность). Выражение (*Иван*) *не помнящий родства* образовано путем метафорического переноса образа родной семьи на все население своей страны и несет в себе отрицательный аксиологический заряд, поскольку отречение от «родного» и забвение своих близких всегда и везде осуждается, как осуждается беспричинный разрыв связей этнических и национальных.

Литература

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2005.
2. Воркачев С. Г. Инициатива и послушание: к аксиологической вариативности лингвоконцепта // Полит. лингвистика. 2012. № 1(39). С. 173–180.
3. Даль В. Пословицы русского народа : в 3 т. СПб., 1996.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1998.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2001.
6. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград, 2010.
7. Королев А. А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. М., 2011.
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
9. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. М., 1997.
10. Национальный корпус русского языка. URL : <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
13. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006.
14. Пьецух В. Низкий жанр. М., 2006.
15. Сандомирская И. И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
16. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1981.
17. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. – Л., 1951–1965.
18. Словарь языка Пушкина : в 4 т. М., 1956.
19. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М., 2000.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 2003.
21. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М., 2000.
22. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка // Рос. НИИ искусственного интеллекта. URL : <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php>.

“Dissenter” and “stateless cosmopolite” as the antonyms of the linguistic ideologeme “people”

On the basis of the material of the Russian lexicography and texts of the National corps of the Russian language there is researched the antonymic periphery of the ideologeme “people”. There is described the etymology, semantic evolution and speech use of such lexical units as “dissenter”, “stateless cosmopolite” and “Ivan without kinship”.

Key words: *people, linguistic ideologeme, antonymic periphery, dissenter, stateless.*